

Екатерина Мордвинцева

**Месть. Холодное
блюдо любви**

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

Мордвинцева Е.

М79 Месть. Холодное блюдо любви / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 276 с.

ISBN 978-5-524-00398-0

Её продали в жёны человеку, который, возможно, её убьёт. Единственный способ выжить – полюбить. Или возненавидеть. Она выбирает мсть. Он выбирает любовь. Кто победит в этой игре без правил?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00398-0

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Пролог

Библиотека замка Файервид всегда пахла смертью.

Я знала это с детства. Не той грубой, плотской смертью, от которой гниет плоть и черви выедают глаза, – нет. Здесь пахло смертью благородной, законсервированной между страниц. Сухим пергаментом, вековой пылью, кожей переплетов, дубленной дубовой корой, и той особенной сладостью, которую источает плесень, когда ей позволяют разрастаться годами. Моя мать говорила, что в этой библиотеке умерло больше слов, чем людей в чуме, потому что каждое непрочитанное слово – это маленькая, тихая кончина.

Я любила эту смерть.

Сейчас, в канун моей свадьбы, когда весь замок гудел как потревоженный улей – служанки бегали с подвенечными кружевами, повара орали на поварят из-за того, что засахарили не те розы, портные на несколько часов прикололи меня булавками к манекену с криком «дышите, ваша милость, не дышите!» – я сбежала сюда.

В библиотеку.

В неё.

В единственное место в этом проклятом замке, где никто не смел говорить мне, что я счастлива.

– Леди Азалия?

Голос моего личного секретаря Торнтон прозвучал с той деликатной настойчивостью, которую он освоил за десять лет службы нашей семье. Он не вошел внутрь – знал правила. В библиотеку Файервид могли входить только члены рода и те, кто носил нашу кровь. Торнтон был умным человеком. Поэтому его носок в лакированной туфле лишь обозначил границу дверного проема, как линия фронта.

– Ваша матушка ищет вас, – сказал он мягко. – Свадебный ужин через два часа. Граф Бейвуд уже прибыл в Драконий зал.

Граф Бейвуд.

Три слова, которые за последние две недели превратились в колокол, отбивающий похоронный звон. Граф Бейвуд. Мой жених. Мой будущий супруг. Мой палач? Пока не ясно. Но что-то подсказывало мне, что ясность наступит раньше, чем я успею договорить эту мысль.

– Передай матушке, что я готовлюсь к церемонии, – ответила я, не оборачиваясь.

Я стояла у дальнего стеллажа, того самого, который назывался «Крыло Мёртвых Имен». Эти книги не читали поколениями. Некоторые из них были настолько стары, что их корешки рассыпались в труху при малейшем прикосновении, и единственное, что удерживало страницы вместе, – это магия крови, которую наложили еще мои пра-пра-пра-бабки. Я провела пальцем по корешку одного из фолиантов, и он засветился тусклым алым светом – приветствием.

– Леди Азалия, – Торнтон сделал ещё один шаг? Нет. Просто его голос стал чуть ближе. – Ваша матушка велела сказать, что если вы не явитесь добровольно, она пришлёт за вами шестерых гвардейцев и священника.

– Зачем священника? – усмехнулась я. – Отпевать меня заранее? Торнтон не нашёл, что ответить. Умный человек.

– Я спущусь через час, – бросила я через плечо. – Скажи матери, что я выбираю первую ночную молитву. Госпожа Бездна любит тех, кто читает ей перед зеркалом.

Это была ложь. Госпожа Бездна была просто дыркой в теологии, которую наши маги-богословы придумали, чтобы объяснять магические сбои. Но матери это имя внушало страх. И Торнтон, вздохнув, удалился.

Тишина вернулась.

Я провела рукой по стеллажу, смахивая пыль, которая вилась в воздухе как призрачная паутина. Свадьба. Нелюбимый муж. Договор, подписанный моим отцом за три дня до его смерти. Я всё

ещё помнила этот запах – чернил, воска и отцовской крови, капающей на пергамент, потому что печать рода Файервид была сломана, и ставить её можно было только живой кровью. «Для блага семьи, Азалия», – сказал он, улыбаясь. «Граф Бейвуд – хорошая партия. Старый род, земли на севере, своя сталь, свой лес. И он не поднимет на тебя руку, клянусь».

Я тогда не спросила, почему он вообще упомянул, что муж не будет поднимать на меня руку.

Может, зря.

Мой взгляд упал на книгу, которая торчала из ряда чуть дальше других. Не то чтобы она была больше или ярче – нет, в этом царстве мертвых переплетов все книги выглядели как покойники в общей могиле. Но эта... эта дышала.

Я не могла объяснить это иначе.

От неё шло тепло. Физическое, осязаемое тепло, как от печи или от живого человека. Я замерла на мгновение, прислушиваясь к своим чувствам. Магия у нас, Файервидов, была привязана к стихиям, но не грубым огнём или водой, как у простых магов. Наша магия была слабее, но тоньше – мы чувствовали правду. Я могла отличить искреннюю улыбку от фальшивой на расстоянии комнаты. Могла определить, говорит ли человек правду, по биению его сердца. Могла...

...могла почувствовать, что эта книга живая. Я вытащила её.

Кожа переплета была тёплой и гладкой, как человеческая кожа, и на мгновение мне показалось, что я держу в руках чью-то грудь, спящую и тёплую. На обложке не было названия. Не было герба. Только странный символ, выжженный прямо в коже: венец из терний, обвивающий кинжал, и над ними – женский глаз, плачущий слезами-рунами.

«Гримуар рода Бейвуд», – прошептал кто-то у меня за спиной. Я подпрыгнула и обернулась.

Никого.

Библиотека была пуста. Только пыль кружилась в свете свечей, и моя собственная тень плясала на каменном полу, издеваясь надо мной. Но голос был отчётливым, ясным и старым, как этот замок. Он принадлежал женщине. Или тому, кто когда-то был женщиной.

– Кто здесь? – спросила я, сжимая книгу крепче. Молчание.

Только потрескивание свечей и стук моего собственного сердца, которое внезапно забилося быстрее. Я посмотрела на книгу, и символ на её обложке вспыхнул алым.

Свечи погасли.

Все до единой.

Я осталась в крошечной тьме библиотеки, в царстве мёртвых слов, с живой книгой в руках, которая горела в моих пальцах как ожог. И всё же я не выпустила её. Я – Азалия де Файервид, дочь Огненного Рога, внучка той, что сожгла дотла армию северян одной лишь силой правды. Я не боюсь тьмы. Я не боюсь книг. Я не боюсь...

Книга открылась сама.

Я поклялась бы в этом под присягой. Мои руки не двигались. Мои пальцы лежали на обложке неподвижно, но книга вздохнула, разжала свои кожаные челюсти, и страницы поплыли передо мной, подсвеченные кровавым светом, который шёл изнутри переплёта.

Страницы были исписаны не чернилами.

Кровью.

«Я, Моргана Бейвуд, третья графиня Северных Врат, пишу это в год Медного Дракона, когда моё тело уже съедает проклятие, а муж мой спит в соседней комнате с любовницей. Я прокляла его. Я прокляла его род. Я сделала это так, как никто до меня. И теперь я записываю сюда слова, которые нельзя произносить вслух, потому что каждое из этих слов – это удар кинжала в мою собственную грудь...»

Я хотела закрыть книгу. Честное слово, хотела.

Но мои пальцы не слушались. Они листали страницу за страницей, словно кто-то водил моей рукой, словно сама Моргана Бей-

вуд, мёртвая уже триста лет, тянула мои пальцы через века, чтобы я увидела то, что должна увидеть.

Проклятие.

Оно было красивым. Я никогда не думала, что проклятие может быть красивым, но это – да. Слова складывались в венки, в кружева, в узоры, которые хотелось рассматривать часами. Каждая руна была выведена с такой любовью, с такой болью, что у меня защипало в глазах. Моргана ненавидела своего мужа. Не просто ненавидела – она выплёвывала эту ненависть на страницы капля за каплей, смешивая с собственной кровью, чтобы каждое слово дышало, чтобы каждое слово жило.

А потом я нашла её.

«Родовое проклятие Бейвудов: Вдовий венец».

Страница была вырвана из середины гримуара и аккуратно вложена обратно, будто кто-то пытался спрятать её, но не решился уничтожить. Я провела пальцем по краю – бумага была рваной, неровной, но чья-то заботливая рука вставила её обратно на шёлковые ленты.

И я прочитала.

«И будет так: ни один мужчина из рода Бейвуд не познает счастья в браке, ибо жена его умрёт в первую брачную ночь от его же руки, а дитя его родится мёртвым, или родится живым, но умрёт до первого крика.

Проклятие сие будет длиться, пока не явится жена, которая проклянет мужа искренне, всей душой, всей кровью, всем своим существом, и умрёт от его руки прежде, чем проклятие коснётся её. Ибо только смерть, добровольная и невольная одновременно, способна разорвать круг. Только ненависть, смешанная с кровью, породит любовь новую. Только Вдовий венец – удел тех, кто выходит за Бейвуда...»

Дальше текст был залит чем-то тёмным, вьёвшимся в пергамент насквозь. Не чернила. Не кровь. Что-то гуще, чернее, злее. Только несколько слов можно было разобрать в конце:

«...проклянет мужа искренне и умрёт от его руки».

Я стояла и смотрела на эту страницу, и мир вокруг меня перестал существовать.

Библиотека пропала. Свечи, которые я могла бы зажечь щелчком пальцев, не вернулись. Тьма сгустилась до состояния кипящей смолы, и только страница в моих руках горела алым, освещая моё лицо с нижнего ракурса, как в кошмарах.

Проклятие спадает только с женой, которая проклянёт мужа искренне и умрёт от его руки.

Я перечитала эту фразу пять раз. Десять.

Пока буквы не начали расплываться и складываться в другие слова. Умрёт от его руки. Искренне проклянёт. Смерть добровольная и невольная.

Николас Бейвуд. Мой жених. Граф, который навестил моего отца за месяц до его смерти. Граф, который улыбался так мягко, так печально, когда смотрел на мой портрет в гостиной. Граф, который, как сказала мать, «предложил невероятно щедрые условия брачного договора». Он искал жену.

Не для любви.

Не для наследника. Для ритуала.

Я засмеялась.

Тихий, сначала дрожащий смех вырвался из моей груди, как зверёк из клетки, и понёсся по пустой библиотеке, отражаясь от каменных сводов, умножаясь, превращаясь в эхо, которое звучало уже не как смех, а как плач.

– Леди Азалия?

Голос Торнтон. Снова. Но на этот раз он звучал встревоженно. Должно быть, тьма в библиотеке была видна даже из коридора.

– Всё в порядке, Торнтон, – ответила я, и мой голос не дрожал. Совсем. – Я просто зачиталась.

– Свечи...

– Я сама их загасила. Мне нужна была тишина.

Ложь. Но убедительная. Я закрыла книгу, и та снова стала просто старой, тёплой, живой вещью в моих руках. Я прижала её к груди, и мне показалось, что я чувствую сердцебиение. Не моё. Её. Книги. Морганы. Того проклятия, которое теперь знало моё имя.

Я вышла из «Крыла Мёртвых Имён» быстрым шагом, почти бегом. Торнтон попятился, увидев моё лицо.

– Ваша милость, вы бледны как смерть.

– Свадебное волнение, – ответила я, проходя мимо него. – Передай матери, что я спущусь через десять минут. Скажи, что я буду в красном.

– Но традиция требует белого...

– Традиция, Торнтон, – я обернулась и посмотрела ему прямо в глаза, – это способ мёртвых управлять живыми. А я пока ещё жива.

Он не нашёл, что ответить.

В моей комнате служанки уже приготовили платье – белое, воздушное, с кружевами, которые моя прабабка плела сорок лет для своей внучки, а та умерла в родах, так и не надев его. Кружево было красивым. Мёртвым, но красивым. Я смахнула его с кровати на пол и села на край, положив книгу на колени.

– Девушки, – сказала я, – оставьте меня. Я оденусь сама.

– Но ваша милость, матушка-графиня...

– Моя мать, – я подняла на них глаза, и они умолкли, – может поцеловать меня в лоб перед алтарём. А сейчас – вон.

Они выбежали, путаясь в юбках. Я осталась одна.

И тогда я снова открыла книгу.

Я искала. Листала страницу за страницей, кровь за кровью, проклятие за проклятием. Бейвуды были богаты на проклятия – их род проклинали семь раз, и каждый раз по-новому. Но только одно проклятие называлось «Вдовьим венцом». Только одно требовало смерти жены.

В конце главы я нашла приписку. Другим почерком, более твёрдым, мужским, сделанную поверх крови Морганы чёрными чер-

нилами, которые въелись в пергамент так глубоко, что прожгли его насквозь:

«Проклятие Вдовьего венца не имеет срока давности. Оно активно до сих пор. В 1248 году пятый граф Бейвуд пытался обмануть проклятие, женившись на женщине, которую не любил, надеясь, что она не сможет проклясть его искренне. Она прокляла. Умерла. В 1312 году седьмой граф женился на ведьме – думал, она сможет снять проклятие силой. Проклятие сожрало ведьму заживо, а граф сошёл с ума. В 1441 году девятый граф выбрал жену-ребёнка, надеясь, что её детская душа не способна на искреннюю ненависть. Девочка прокляла его, когда он вошёл к ней в спальню. Ей было двенадцать. Он умер от её проклятия через три дня после её смерти».

Я закрыла книгу.

Медленно. Аккуратно. Положила её на кровать рядом с собой и уставилась в стену.

Николас Бейвуд знал это.

Он знал всё это, когда пришёл к моему отцу. Знал, когда смотрел на мой портрет. Знал, когда подписывал брачный договор. Он выбрал меня не потому, что я красивая, не потому, что я богата, не потому, что мой род древний.

Он выбрал меня, потому что я – Файервид. Потому что наш дар – чувствовать правду.

Потому что я, если буду искренней до конца, смогу проклясть его так сильно, так честно, так по-настоящему, что проклятие наконец сработает и умрёт вместе со мной.

Он не просто хотел принести меня в жертву. Он хотел, чтобы я была идеальной жертвой. Я встала.

Подошла к зеркалу.

В нём отражалась девушка девятнадцати лет, с медными волосами, которые вились сами собой, сколько их ни выпрямляй щипцами, с зелёными глазами, которые отец называл «болотными» (и это был комплимент), с родинкой у левого крыла носа, которую я ненавидела, потому что она делала меня похожей на крестьянку.